

Марианна Дарк

ора. Разрушенная жи

Марианна Дарк

Аврора.Разрушенная жизнь

«Автор»

2026

Дарк М.

Аврора. Разрушенная жизнь / М. Дарк — «Автор», 2026

Аврора думала, что выходит замуж по любви, но правда оказалась жестокой: её брак с Давидом был всего лишь сделкой, платой за огромный долг. Когда трагедия обрывает привычную жизнь, Аврора оказывается в ловушке чужих традиций и обязательств — и единственной опорой становится Дамир, брат её мужа. Их союз начинался как вынужденный: ради чести семьи, ради безопасности, ради того, чтобы просто выжить под пристальным взглядом старших. Но чем ближе они узнают друг друга, тем сложнее становится отделить долг от настоящих чувств. А когда всплывают новые улики, становится ясно: авария, унёсшая жизнь Давида, была не случайностью. Теперь Авроре предстоит не только распутать клубок лжи и защитить себя от тех, кто привык распоряжаться чужими судьбами, но и честно ответить себе на главный вопрос: сможет ли она простить прошлое и построить будущее рядом с Дамиром — человеком, который впервые не ломает её, а бережёт.

© Дарк М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Аврора.Разрушенная жизнь

Глава 1

Выпускной вечер накрыл город золотой дымкой заката — будто кто-то щедро рассыпал по небу тёплые искры, чтобы этот день запомнился навсегда. Аврора стояла на ступенях университета, сжимала в руках диплом и пыталась унять дрожь, которая никак не хотела уходить. Двадцать лет. Взрослая. А внутри всё равно было пусто и как-то слишком тихо — так бывает, когда ждёшь аплодисментов, а в ответ слышишь только эхо собственных шагов.

Бабушка, которая растила её с пяти лет, не дожила до этого дня. Она ушла прошлой зимой, тихо, во сне, оставив после себя запах лаванды, стопку старых книг и привычку говорить: «Ты сильнее, чем думаешь». А родители... О них Аврора старалась не думать. Они отказались от неё, когда ей было пять, и с тех пор в её жизни не было ни звонков, ни открыток, ни «прости». Только бабушка. И теперь — только память о ней.

На выпускной Аврора пришла одна. Не потому что не было друзей — друзья были, весёлые, шумные, обнимали её, смеялись, звали фотографироваться. Но в какой-то момент она просто отошла в сторону, к краю лужайки, где тени становились длиннее, и смотрела, как солнце садится за крыши домов. Ей хотелось, чтобы бабушка сейчас стояла рядом, поправила ей ленту, улыбнулась и сказала: «Я знала, что ты справишься». И именно там, в этой тишине между аплодисментами и смехом, она его увидела.

Он стоял чуть поодаль, у кованой ограды, и выглядел так, будто сам не понимал, как здесь оказался. Высокий, с тёмными волосами, слегка растрёпанными ветром, в пиджаке, который был ему чуть великоват, и с букетом белых лилий — неуместным, слишком торжественным для шумного выпускного. Ему было лет двадцать восемь, не меньше. Не студент. Не родитель. Просто... чужой среди своих.

Аврора не успела подумать, почему он здесь, почему смотрит именно на неё — она просто почувствовала, как что-то внутри щёлкнуло, будто разомкнулась старая застёжка, и воздух вдруг стал легче. Он сделал шаг вперёд, потом ещё один, и вдруг улыбнулся — не широкой, показной улыбкой, а той, что появляется, когда встречаешь кого-то, кого давно ждал, даже если не знал об этом.

— Кажется, эти цветы должны быть у тебя, — сказал он, протягивая лилии. Голос у него был спокойный, чуть хриловатый, будто он редко говорил вслух, но когда говорил — каждое слово имело вес. Аврора замерла. — Почему?

Он пожал плечами, но улыбка не исчезла. — Потому что сегодня твой день. И потому что... я увидел тебя и понял, что если не подойду сейчас, буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Она рассмеялась — тихо, неуверенно, будто проверяя, звучит ли ещё её голос. — Ты даже не знаешь меня. — Зато я знаю, что ты стоишь одна, хотя сегодня должен быть самый счастливый день. И знаю, что в твоих глазах столько всего, что хочется просто постоять рядом и дать тебе минуту тишины среди этого шума.

Аврора взяла цветы. Лепестки были прохладными, почти ледяными, и этот холод вдруг прогнал ту самую пустоту, которая сидела внутри с самого утра. — Меня зовут Аврора. — Давид, — он чуть наклонил голову, будто кланяясь, но без пафоса, искренне. — И, кажется, я пришёл сюда не просто так.

Они стояли и смотрели друг на друга, а вокруг кружились выпускники, сверкали вспышки камер, кто-то кричал «Ура!», кто-то смеялся, кто-то плакал от счастья. А для них двоих весь этот шум будто стал тише, отодвинулся на задний план, оставив только этот миг — и ощущение, что жизнь только начинается. Давид предложил пройти. Не в толпу, не к сцене, а туда, где фонари зажигались один за другим, а город становился мягче в сумерках. Аврора

кивнула, и они пошли, не торопясь, будто боялись спугнуть это странное, хрупкое чувство, которое родилось между ними за одну минуту.

По дороге она рассказала про бабушку, про то, как та учила её не бояться темноты и всегда брать с собой фонарик — даже если кажется, что света и так достаточно. Давид слушал, не перебивая, иногда кивал, иногда улыбался чему-то своему, а потом вдруг сказал:— Знаешь, мне кажется, твоя бабушка была бы очень тобой горда. Аврора на секунду остановилась, чтобы спрятать слёзы, которые вдруг подкатили к глазам.— Спасибо. Это... это самое важное, что ты мог сказать.

Они дошли до набережной, где река отражала огни города, будто рассыпанные по воде звёзды. Давид сел на парапет, протянул ей руку, и Аврора села рядом, чувствуя, как впервые за долгое время ей не хочется быть одной.— А ты почему здесь? — спросила она, глядя на воду. Давид помолчал, будто подбирая слова.— У меня здесь учился друг. Он не смог прийти, попросил меня передать цветы одной девушке... Но когда я увидел тебя, понял, что эти лилии должны быть именно у тебя.

Аврора улыбнулась.— Значит, это судьба. Давид посмотрел на неё так, что у неё снова перехватило дыхание.— Или просто хороший вечер, который стал ещё лучше.

Глава 2

Их отношения развивались так стремительно, что Аврора порой ловила себя на мысли: «А не снится ли мне всё это?» Будто кто-то крутанул ручку времени, и месяцы сжались в недели, а недели — в дни, наполненные смехом, разговорами до рассвета и ощущением, что они знают друг друга целую вечность. Давид умел делать обычное волшебным. Он приносил ей не розы, а веточку сирени, потому что «она пахнет как детство». Он водил её не в дорогие рестораны, а на набережную, где ветер срывал слова с губ, и приходилось наклоняться друг к другу, чтобы услышать. Он слушал её так, будто каждое слово было важным — даже когда она просто жаловалась на то, что кофе опять оказался слишком горьким.

Аврора, которая привыкла держать дистанцию, потому что боялась снова остаться одна, вдруг перестала бояться. Давид не требовал от неё быть сильной, он просто был рядом, когда силы заканчивались. И когда он однажды, сидя на подоконнике в её квартире, сказал: «Давай поженимся. Не через год, не когда-нибудь, а сейчас», она не стала спрашивать «зачем» или «куда мы торопимся». Она просто кивнула.

Свадьба получилась маленькой, почти тайной. Они позвали только самых близких: Катю, подругу детства, и тётушку Давида, которая смотрела на них с лёгкой грустью и говорила: «Вы такие молодые... берегите это чувство». Аврора надела простое платье цвета слоновой кости — не из магазина, а сшитое бабушкой когда-то для себя и бережно переданное внучке «на особый случай». Давид надел пиджак, в котором ходил на все важные встречи, и добавил к нему бабочку, которую Аврора подарила ему на день рождения.

В загсе всё было буднично: штампы, подписи, короткое поздравление сотрудницы. Но когда они вышли на улицу, город будто стал ярче. Они смеялись, фотографировались у старой липы, ели мороженое, хотя на улице было прохладно, и чувствовали себя самыми счастливыми людьми на свете. Вечер они решили провести тихо — только вдвоём, без шумного банкета. Ужин в их новой квартире, свечи, тихая музыка, разговоры, которые никак не заканчивались. Аврора чувствовала, как внутри всё трепещет: это был её первый настоящий дом, её первая настоящая семья.

Ближе к полуночи Давид вдруг встал, потянулся и сказал:— Прости, я на минутку. Тут один звонок надо сделать — заказчик никак не успокоится. Я быстро, пять минут, ладно? Аврора улыбнулась, кивнула, думая, что это просто привычная забота о работе, от которой он никак не мог отключиться.— Только не затягивай. Я тут буду.

Он вышел на кухню, прикрыл дверь. Аврора осталась в комнате, завернулась в плед, слушала, как за окном шумит город, и ждала. Пять минут превратились в десять, десять — в двадцать. Она слышала, как он говорит тихо, настойчиво, потом голос стал резче, потом — тише. Потом хлопнула дверь холодильника, звякнула чашка. Потом... тишина. Она встала, подошла к двери, приоткрыла: кухня была пуста. На столе лежал телефон, рядом — недопитый стакан воды. А на подоконнике — записка, написанная торопливым почерком: «Прости. Надо кое-что срочно решить. Не жди, ложись. Я вернусь».

Аврора стояла, сжимая бумажку в пальцах, и не могла понять: почему он ушёл, не сказав ни слова? Почему не взял телефон? Почему просто... исчез? Она ждала. Сначала сидела на диване, потом ходила по комнате, потом снова садилась, смотрела на часы, которые будто нарочно тянули время. Она пыталась убедить себя, что всё в порядке: Давид просто попал в пробку, или у него разрядился телефон, или он застрял в каком-то важном разговоре. Но с каждой минутой эта уверенность таяла.

Ночь тянулась бесконечно. Аврора то и дело подходила к окну, вглядываясь в темноту, надеясь увидеть знакомую фигуру. Потом она легла, не раздеваясь, просто чтобы хоть немного унять дрожь. Плед пах домом и Давидом, и от этого становилось одновременно теплее и боль-

нее. Она заснула под утро, когда небо уже начало сереть, а город — просыпаться. Сон был тяжёлым, рваным, полным неясных тревог. Ей снилось, что она бежит по длинному коридору, зовёт Давида, но голос не слышен.

Проснувшись она от резкого, настойчивого звонка телефона. На экране — Катя. Аврора схватила трубку, ещё не до конца проснувшись, с надеждой, что подруга сейчас скажет: «Он у меня, всё в порядке, просто телефон сел». — Аврора... — голос Кати дрожал, в нём слышались слёзы. — Прости, мне только что позвонили... из полиции. Давид... его машина... авария. Он... он погиб. Слова ударили, как холодный ветер. Аврора села на кровати, чувствуя, как пол уходит из-под ног. В комнате всё было на своих местах: плед, чашка, записка на столе. Но теперь всё это казалось чужим, ненастоящим.

Она медленно положила телефон, подошла к окну. За стеклом город жил своей обычной жизнью: машины ехали, люди спешили, кто-то смеялся. А её мир только что рухнул. На столе лежала записка. «Прости. Надо кое-что срочно решить». Теперь эти слова звучали как прощание.

Глава 3

Холод в морге пробирался под одежду, оседал где-то под рёбрами и не давал дышать. Аврора шла по коридору, будто ступала по тонкому льду: одно неверное движение — и она провалится туда, где уже не будет ни надежды, ни смысла. Следователь шёл рядом, говорил что-то про формальности, про необходимость опознания, но слова долетали до неё, как сквозь вату. — Вы уверены, что готовы? — в очередной раз спросил он, останавливаясь у двери.

Аврора кивнула. Не потому что была готова, а потому что не знала, что ещё сделать. Если она скажет «нет», это не вернёт Давида. Если скажет «да» — может, это станет первым шагом к тому, чтобы поверить, что его действительно нет. Комната была маленькой, без окон, с резким светом, который делал всё неестественно чётким. Давид лежал неподвижно, и в этом неподвижном было что-то невыносимо чужое. Это был он — и в то же время не он. Тот Давид, которого она знала, смеялся, хмурился, поправлял очки, когда думал, и всегда говорил: «Всё будет хорошо». Этот человек на столе не мог сказать ничего.

Аврора сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Боль была острой, настоящей — и на секунду помогла удержаться на ногах. — Это он, — прошептала она, не узнавая собственного голоса. Следователь кивнул, сделал пометку в папке, сказал что-то ещё, но Аврора уже не слушала. Её вывели обратно в коридор, и там, среди запаха антисептика и тишины, она впервые заплакала — тихо, без всхлипов, просто слёзы катились по щекам, а она их даже не вытирала.

Похороны слились в один серый день. Ветер трепал края чёрного платка, кто-то держал её под руку, чтобы она не упала, священник говорил слова, которые должны были утешать, но звучали как чужой язык. Аврора смотрела, как земля падает на крышку гроба, и чувствовала, как вместе с каждым комком уходит что-то из неё самой. Когда всё закончилось, Катя увезла её домой. Всю дорогу Аврора смотрела в окно, не видя ни улиц, ни людей, ни машин — только отражение своего бледного лица и пустоту внутри.

Квартира встретила её тишиной. Но не той уютной, к которой она привыкла, а тяжёлой, давящей. Аврора закрыла за собой дверь, сделала шаг — и сразу поняла: здесь кто-то был. Стул у стола стоял криво, будто его толкнули и не потрудились поставить ровно. На полу валялась книга, которую она всегда держала на полке. В спальне ящики комода были выдвинуты, вещи разбросаны, будто кто-то искал что-то важное, не заботясь о том, чтобы оставить всё как было.

Она ходила по комнатам, трогала вещи, пыталась понять, что пропало, но не могла собраться с мыслями. Всё казалось одновременно чужим и слишком знакомым. Это была её квартира, её жизнь — и в то же время она чувствовала себя здесь гостьей, которая пришла и увидела, что дом ограбили. Телефон зазвонил поздно вечером, когда сумерки уже сменились темнотой, а тишина в квартире стала почти невыносимой. Аврора посмотрела на экран — незнакомый номер. Она хотела не брать, хотела спрятаться от всего, что могло принести этот звонок. Но рука сама нажала «Принять».

— Аврора? — голос был низким, спокойным, но в нём чувствовалась твёрдость. — Меня зовут Дамир. Я брат Давида. Аврора замерла, сжимая телефон так, что побелели пальцы. — Что? Нет... Давид говорил, что у него нет родственников. Ни братьев, ни сестёр. Он всегда говорил, что он один. В трубке помолчали. — У нас были... сложные отношения. Мы не афишировали, что мы семья. Сейчас это не самое важное. Я хотел бы встретиться с тобой. Есть вещи, которые нужно обсудить.

Аврора хотела сказать «нет», хотела бросить трубку и забыть этот разговор. Но вместо этого спросила: — Откуда вы узнали? — Мне сообщили из полиции. Я приехал, как только смог. Она закрыла глаза, пытаясь удержать равновесие. — Я не знаю... сейчас не лучшее время.

— Понимаю. Но это важно. Давай завтра? Где тебе удобно? Аврора назвала кафе недалеко от дома — то самое, где они с Давидом пили кофе по утрам. Голос Дамира прозвучал чуть мягче:

— Хорошо. Завтра в полдень. Он отключился, а Аврора осталась стоять посреди разгромленной квартиры, чувствуя, как страх медленно разливается по венам. Ночь тянулась бесконечно. Аврора сидела на диване, завернувшись в плед, и прислушивалась к каждому шороху. Ей казалось, что тишина стала живой — она дышала, ждала, наблюдала. В два часа ночи тишину разорвал резкий, грубый стук в дверь. Не вежливый, не робкий, а такой, от которого хочется забиться в угол и не шевелиться. Стук повторился, громче, настойчивее.

— Открывай! Мы знаем, что ты там! Аврора встала, подошла к двери, прижалась к ней ухом, пытаясь унять дрожь. — Кто там? — Не строй из себя дурочку! Открывай, поговорим! Дверь затряслась от удара. Аврора отступила, оглядываясь, будто искала, куда спрятаться. Потом схватила телефон, но пальцы скользили, не попадая по кнопкам. Замок щёлкнул — кто-то пытался открыть дверь снаружи. Аврора метнулась к окну, но этаж был слишком высоким. Она замерла посреди комнаты, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле.

Дверь распахнулась. На пороге стояли трое мужчин — крупные, в тёмных куртках, с лицами, на которых не было ни капли сочувствия. Один из них шагнул внутрь, оглядывая комнату так же, как те, кто был здесь днём. — Где деньги? — рявкнул он, глядя прямо на Аврору. — Какие деньги? Я ничего не понимаю... Мужчина подошёл ближе, нависая над ней, и голос его стал тише, но от этого только страшнее. — Твой муж должен был вернуть долг. Вчера. И не вернул. Теперь ты за него отвечаешь. Где деньги, девочка? Аврора попятилась, пока не упёрлась спиной в стену.

— У меня нет... я не знала... он ничего мне не говорил... Один из мужчин хмыкнул, оглядывая разгромленную квартиру. — Значит, будем искать. И пока не найдём — ты отсюда не выйдешь.

Утро пришло серым и злым. Аврора сидела на полу у стены, обняв колени, и смотрела, как первые лучи солнца падают на разбросанные вещи. Мужчины ушли, забрав с собой что-то, чего она даже не успела заметить, и оставив после себя запах табака и угрозы, которые висели в воздухе, как дым. Телефон снова зазвонил. На этот раз Аврора смотрела на экран и знала, кто это. — Дамир, — прошептала она, будто проверяя, существует ли это имя на самом деле.

— Ты в порядке? — спросил он, и в его голосе было что-то такое, чего она не ожидала — не равнодушие, не формальность, а настоящая тревога. Аврора закрыла глаза, чувствуя, как слёзы снова подступают к горлу. — Нет. Не в порядке. Квартира разгромлена. Ночью приходили какие-то мужчины. Они говорят, что Давид им должен. Они угрожали мне... Я не знаю, что делать. На том конце провода повисла тишина, тяжёлая, напряжённая.

— Оставайся там. Никуда не уходи. Я еду. И, Аврора... прости, что я не появился раньше. Я должен был защитить его. И теперь я должен защитить тебя.

Глава 4

Стук в дверь прозвучал ровно, без суеты — не как у тех, кто ломится, чтобы напугать, а как у того, кто знает: его ждут. Аврора застыла у двери, прислушиваясь к себе: внутри всё ещё дрожало, но где-то глубоко шевельнулось странное чувство — будто вместе со стуком в квартиру вошла хоть какая-то опора. Она открыла.

На пороге стоял Дамир. Ему было тридцать два — на четыре года больше, чем Давиду, и эта разница читалась не в цифрах, а в том, как он держался: спокойно, будто привык отвечать не только за себя. Высокий, с широкими плечами, в тёмно-серой куртке, которую он не стал снимать, будто был готов в любую секунду снова выйти в город. Лицо у него было строгим, но не холодным: в нём чувствовалась тяжесть прожитого, а не желание её на кого-то переложить.

А самое первое, что бросалось в глаза, — шрам. Он шёл над левой бровью, пересекал её и терялся в линии волос, будто кто-то провёл по коже твёрдой, но не слишком аккуратной линией. Шрам не уродовал — он делал лицо Дамира настоящим, будто подтверждал: этот человек видел не только хорошее. В руках он держал бумажный стаканчик с кофе и пакет с выпечкой — простые вещи, которые вдруг показались Авроре самыми нужными на свете. — Можно? — спросил он тихо, будто не хотел вторгаться.

Аврора кивнула и отступила, пропуская его внутрь. Дамир вошёл, быстро окинул взглядом разгромленную квартиру, и его лицо на секунду стало жёстким, но он тут же взял себя в руки. — Ты не должна быть здесь одна. Аврора хотела сказать, что она привыкла быть одна, что бабушка научила её не бояться пустых комнат. Но сейчас она не могла этого произнести. Вместо этого она просто закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, будто дверь могла удержать всё, что рвалось наружу.

Дамир поставил стаканчик на стол, снял куртку, повесил её на спинку стула — так, будто собирался остаться надолго. Потом посмотрел на Аврору, и в его взгляде не было жалости, которая ранит. Было что-то другое — понимание и готовность слушать. — Расскажи, что было ночью. Всё до последней детали.

И Аврора заговорила. Слова шли тяжело, спотыкались, но она не останавливалась. Про стук в дверь, про крики, про то, как один из мужчин схватил её за руку, про угрозы, про разгром. Она говорила, а сама смотрела на Дамира и видела, как в нём что-то темнеет, как сжимаются челюсти, как пальцы чуть крепче обхватывают стаканчик, будто он пытается удержать себя, чтобы не сорваться. Когда она замолчала, Дамир долго молчал, будто взвешивал каждое слово, прежде чем его произнести.

— Я знал про тебя, — наконец сказал он, глядя прямо на неё. — Давид писал мне. Не часто, не обо всём. Но про тебя он писал. Про то, как ты смеёшься, когда кофе оказывается слишком горьким. Про то, что ты умеешь молчать так, что тишина становится уютной. Он был счастлив. По-настоящему. Аврора опустила глаза, чтобы не расплакаться снова. — Он говорил, что у него нет семьи. Что он один. Дамир кивнул, будто ждал этого вопроса.

— Потому что он отрёкся от неё. Не от меня — от всего, что там было. Наша семья... она привыкла всё решать за других. Особенно за сыновей. Отец считал, что знает, как нам жить, как работать, с кем дружить, на ком жениться. Для Давида это было как клетка. А когда ему решили устроить брак с дочерью одного влиятельного человека — без его согласия, просто как сделку, — он не выдержал. Он пришёл ко мне и сказал: «Я не стану этим человеком. Я не хочу быть частью этой сделки». И ушёл. Просто собрал вещи и уехал. Он помолчал, коснулся шрама над бровью — не нарочно, будто привычка.

— Этот шрам — как раз оттуда. Мы с ним тогда подрались. Не друг с другом, а с людьми, которых отец прислал, чтобы «вернуть» Давида. Я пытался его прикрыть, но нас быстро раскидали. Давид тогда сказал: «Если ты меня сейчас сдашь отцу, я тебе этого не прощу». И я

не сдал. Я помог ему уехать. И потом... мы держали связь. Тихо, осторожно. Он знал, что я есть. Просто не хотел, чтобы семья знала про него. Аврора смотрела на него и видела в нём не чужого человека, а того, кто любил Давида так же сильно, как и она.— Почему он ничего мне не сказал? Дамир тяжело вздохнул.

— Он не хотел, чтобы это прошлое коснулось тебя. Он строил новую жизнь. Без давления, без сделок, без чужих решений. Он хотел, чтобы ты знала только того Давида, которого сама полюбила. А не того, от которого он убежал. В комнате повисла тишина, но теперь она не была давящей. В ней было что-то правильное, будто слова наконец расставили всё по местам. Вдруг Аврора резко выпрямилась, будто что-то вспомнила.— Подожди. Он всегда прятал одну вещь. Говорил, что это самое надёжное место, потому что я её никогда не читаю. «Сто лет одиночества».

Она подошла к полке, вытащила потрёпанный томик, открыла наугад — и из него выпал небольшой конверт. Обычный, белый, без надписей. Аврора подняла его, пальцы дрожали.— Я не открывала. Даже не знала, что он там. Дамир встал, подошёл ближе, но не потянулся за конвертом, давая ей право самой решить. Аврора разорвала край, вытряхнула содержимое на стол. Внутри лежала короткая записка, написанная знакомым почерком Давида — торопливым, с нажимом:

«Если что-то случится — не верь никому. Иди к Дамиру. И не трогай сейф в мастерской. Это не твоё».

Рядом с запиской лежал маленький ключ — медный, с витой бородкой. Аврора подняла глаза на Дамира.— Что это? Что за сейф? Дамир взял ключ, повертел его в пальцах, и лицо его стало ещё серьёзнее.— У него была мастерская на окраине. Он говорил, что там он «чинит не вещи, а время». Если есть сейф... значит, там что-то, из-за чего эти люди пришли к тебе. И, возможно, Давид знал, что однажды они найдут его.

Аврора почувствовала, как страх снова подступает к горлу, но теперь к нему примешивалось другое чувство — решимость.— Тогда поедем туда. Сейчас. Пока они не вернулись. Дамир посмотрел на неё долго, внимательно, будто оценивая, выдержит ли она ещё один удар. Потом медленно кивнул.— Хорошо. Но сначала ты наденешь куртку, выпьешь кофе, и мы поедем не как люди, которые бегут от беды, а как те, кто собирается с ней разобраться. Я обещал Давиду, что присмотрю за тобой. И я сдержу это обещание.

Глава 5

Дорога до мастерской тянулась бесконечно. Город будто нарочно подкидывал им пробки, светофоры загорались красным ровно в тот момент, когда они подъезжали, а улицы становились всё уже и пустыннее. Аврора смотрела в окно, на мелькающие фасады, и пыталась унять дрожь в пальцах. Рядом Дамир сидел прямо, крепко держа руль, и молчал — но это молчание не было пустым. В нём чувствовалась собранность человека, который знает: скоро придётся действовать.

Мастерская оказалась в старом промышленном квартале, среди полузаброшенных зданий и ржавых заборов. Небольшое кирпичное строение с металлической дверью и единственным мутным окном, в котором отражался серый полдень. Давид когда-то говорил, что любит это место именно за тишину — здесь никто не мешал ему слышать, как скрипит дерево, как звенит металл, как шепчет старая вещь, которую он пытался вернуть к жизни. Дамир остановился у входа, выключил двигатель. Тишина накрыла их, как одеяло.

— Ты можешь подождать в машине, — тихо сказал он, не поворачиваясь. Аврора покачала головой. — Нет. Я должна быть там. Это и моя история тоже. Он кивнул, будто и не ждал другого ответа, достал из кармана ключ, который Аврора нашла в книге, и вставил в замок. Дверь скрипнула, поддаваясь с усилием, будто не хотела пускать их внутрь.

Внутри пахло древесной пылью, лаком и чем-то ещё — тем особенным запахом, который бывает только в местах, где долго и терпеливо работают руками. Верстак был завален стружкой, на стене висели инструменты, аккуратно развешанные по местам, будто Давид вышел на минуту и сейчас вернётся, чтобы взяться за дело. В углу стоял небольшой сейф — старый, тяжёлый, с потускневшей бронзовой накладкой. Аврора подошла к нему, провела пальцами по холодному металлу. Дамир встал рядом, вставил ключ. Замок щёлкнул, дверца приоткрылась.

Но внутри было пусто. Ни бумаг, ни денег, ни документов — только тонкая стопка чистой бумаги и на самом дне — маленький клочок картона, сложенный вчетверо. Аврора подняла его, развернула. На нём был написан всего один ряд цифр и короткая фраза: «Не верь цифрам. Смотри на тень». Она нахмурилась, посмотрела на Дамира. — Что это значит? Он взял записку, поднёс ближе к свету, будто надеялся разглядеть в этих словах что-то, что она пропустила. — Не знаю. Но Давид никогда ничего не делал просто так. Если он оставил это, значит, это ключ. Или предупреждение.

Аврора обвела взглядом мастерскую, будто надеялась, что стены подскажут ответ. — Зачем он вообще держал сейф, если там ничего нет? Дамир медленно закрыл дверцу, провёл ладонью по металлу, словно прощаясь с чем-то важным. — Может, он и держал его пустым, чтобы никто не нашёл того, что на самом деле важно. Или он успел всё спрятать раньше. Или... он хотел, чтобы мы поняли: дело не в бумагах. Дело в том, что он пытался нам сказать.

Они вышли на улицу, и ветер тут же подхватил волосы Авроры, швырнул их ей в лицо. Она не стала убирать, просто стояла, чувствуя, как холод пробирается под куртку. — Расскажи мне о нём, — вдруг попросила она, глядя на Дамира. — Не про то, что он делал, а про то, каким он был. Когда вы были детьми. Когда он ещё не убежал. Дамир чуть помедлил, потом сел на низкую бетонную тумбу у стены, жестом предложил ей сесть рядом.

— Он всегда был упрямым. С самого детства. Если ему говорили «нельзя», он тут же хотел именно этого. Отец злился, говорил, что у него нет ни выдержки, ни терпения. А я знал: у него просто было слишком много жизни внутри, чтобы сидеть тихо. Он не хотел быть удобным. Он хотел быть настоящим. Даже если это стоило ему всего. Аврора слушала, закрыв глаза, и будто видела того мальчика — с взъерошенными волосами и упрямым взглядом, который не хотел мириться с тем, что ему навязывают. — Он был прав, — тихо сказала она. — Нельзя продавать себя, даже если все вокруг говорят, что это нормально.

Дамир посмотрел на неё с лёгкой грустью.— Да. Он был прав. Но иногда правда стоит слишком дорого.

Обратно они ехали молча, но теперь это молчание было другим — не напряжённым, а будто между ними уже выросла тонкая, но прочная нить доверия. Когда они вошли в квартиру, Аврора вдруг почувствовала, как наваливается усталость — тяжёлая, липкая, высасывающая силы.— Останься, — сказала она, снимая куртку и вешая её на крючок, который Давид когда-то прибил сам. — Здесь. В гостевой комнате. Не уезжай. Я... я не хочу сегодня быть одна. Дамир замер, будто не ожидал этого. Потом медленно кивнул.— Хорошо. Я останусь.

Они заварили чай, сели за стол, где ещё лежали разбросанные вещи, и попытались сделать вид, что всё нормально. Но тишина в квартире была слишком хрупкой, будто могла разбиться от любого резкого звука. Этот звук пришёл в два часа ночи. Резкий, грубый стук в дверь, такой, от которого кровь стынет в жилах. Аврора вскочила, сердце колотилось где-то в горле. Дамир уже был на ногах, стоял у стены, будто оценивая, где лучше держать оборону. Стук повторился, громче, настойчивее.— Открывайте! Мы знаем, что вы там! Хватит играть в прятки!

Дамир метнулся к телефону, но Аврора покачала головой:— Они всё равно ворвутся. Лучше открыть. Он посмотрел на неё, стиснул зубы, но кивнул. Подошёл к двери, распахнул её. На пороге стояли те же трое, что и в прошлый раз. Крупные, злые, с лицами, на которых не было ни капли сомнений. Тот, что был впереди, шагнул внутрь, не спрашивая разрешения.— Вы что, совсем ничего не поняли? — прорычал он, глядя на Дамира с откровенной ненавистью.— Мы сказали: не лезьте. Не ищите. Не копайтесь. Давид знал правила. А вы решили, что умнее?

Аврора стояла у стены, чувствуя, как пол уходит из-под ног.— Мы ничего не нашли, — спокойно, почти равнодушно ответил Дамир, хотя Аврора видела, как напряжены его плечи. — Сейф был пуст. Мужчина усмехнулся, шагнул ближе, нависая над ними.— Сейф — это мелочи. Главное, чтобы вы поняли: если будете искать правду, будет плохо. Очень плохо. Особенно ей. Он ткнул пальцем в сторону Авроры. Она сжала кулаки, но не отступила.— Чего вы хотите?

— Чтобы вы забыли. Чтобы закрыли рты и сидели тихо. Давид задолжал не просто деньги. Он влез туда, куда не стоило. И теперь долг переходит на вас. Пока мы не скажем, что всё оплачено, вы не свободны. Дамир сделал шаг вперёд, закрывая Аврору собой.— Она здесь ни при чём. Мужчина снова усмехнулся, будто услышал что-то смешное.— А кто тут вообще при чём? Жизнь — штука несправедливая. Запомните это. И не пытайтесь быть умнее, чем есть.

Они ушли так же внезапно, как и пришли, оставив после себя запах табака и ощущение, что воздух в комнате стал тяжелее. Аврора опустилась на стул, руки дрожали. Дамир сел рядом, положил ладонь на её плечо — не сильно, просто чтобы она почувствовала, что он здесь.— Я увезу тебя, — тихо, но твёрдо сказал он. — Туда, где они не достанут. К нам. На родину. У нас есть люди, которые умеют защищать своих. Аврора подняла на него глаза.— Но это моя жизнь. Мой город. Я не хочу бежать. Дамир покачал головой.

— Это не бегство. Это передышка. Пока я разберусь, кто эти люди и что за долг они требуют. Ты не должна быть мишенью. Давид не этого хотел. Она закрыла лицо руками, пытаясь собрать мысли. Потом медленно опустила руки и посмотрела на него.— Хорошо. Я поеду. Но только пока ты не разберёшься. И только потому, что я верю: ты сделаешь всё, чтобы это закончилось. Дамир кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение.— Спасибо, что доверяешь. Я не подведу.

Глава 6

Полёт тянулся бесконечно. Аврора почти не шевелилась, прижавшись лбом к стеклу иллюминатора. Город внизу давно растворился в темноте, остались только редкие огоньки, будто кто-то рассыпал по земле крошечные звёзды. Дамир сидел рядом, не пытался её разговаривать, не тянулся с утешениями — просто время от времени проверял, не замёрзла ли она, и накрывал её плечи пледом. В этой молчаливой заботе было что-то надёжное, как стена, за которую можно спрятаться, даже если ты не просишь. Когда шасси коснулись полосы, Аврора вздрогнула. Чужой город, чужой воздух, чужие правила. Она сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как страх снова подбирается к горлу.

— Сейчас будет непросто, — тихо сказал Дамир, пока они шли к выходу. — У нас... свои традиции. И семья привыкла, что всё идёт так, как положено. Аврора хотела спросить: «А что положено?», но не успела. Уже в зоне прилёта их встречал водитель, а потом длинная дорога сквозь узкие улочки, где дома будто жались друг к другу, защищая свои тайны. И наконец — большой дом за высоким забором, с тяжёлыми дверями и строгим светом фонарей. Их ждали.

В гостиной собрались старшие: отец Дамира — суровый, прямой, с лицом, высеченным из камня; мать — тихая, но в её взгляде читалось столько напряжения, что тишина казалась громче крика. Были ещё дяди, тёти, какие-то дальние родственники, все смотрели на Аврору так, будто она — не девушка, потерявшая мужа, а загадка, которую нужно срочно разгадать. Отец Дамира заговорил первым, и голос его звучал как приговор: — Ты привез её сюда. И теперь она под нашей защитой. Но она не может просто жить под этой крышей. Таковы наши обычаи. Либо она уезжает, либо... остаётся, как положено.

Дамир чуть наклонил голову, показывая уважение, но голос его был твёрдым: — Она останется. И я отвечаю за неё. — Отвечать — это одно, — процедил отец. — А честь — другое. На такой девушке у нас на родине вряд ли кто-то согласится жениться. Она была замужем. А значит, не невинна. И никто не примет её в свой дом. Аврора почувствовала, как кровь приливает к щекам. Ей хотелось сжаться, исчезнуть, стать невидимой. Но вместо этого она вдруг выпрямилась. В ней вспыхнуло что-то упрямое, почти дерзкое — усталость от того, что её судьбу решают без неё.

— С Давидом у меня ничего не было, — сказала она неожиданно звонко, и в комнате стало тихо, будто даже воздух замер. — Мы поженились, но... брачная ночь не состоялась. Он исчез. И утром я узнала, что он погиб. По комнате прокатился шёпот. Кто-то вздохнул, кто-то опустил глаза. Отец Дамира нахмурился, будто пытался понять, правда это или отчаянная попытка спасти себя. — Даже если так, — произнёс он наконец, — она всё равно связана с нашим родом. И оставлять её здесь без защиты нельзя. Значит, остаётся один путь. Он посмотрел на Дамира. — Ты должен жениться на ней.

Дамир не вздрогнул, не отвёл взгляд. Он будто ждал этих слов. — Я понимаю, отец. И я готов. Аврора побледнела. — Нет, — прошептала она, но её голос потонул в общем гуле. Позже, когда все разошлись, оставив их одних в маленькой гостиной, Дамир подошёл к окну и долго смотрел в темноту. Потом повернулся к Авроре. — Прости, что это обрушилось на тебя так сразу. У нас не принято бросать тех, кто попал в беду. Особенно если это касается семьи.

— Но я не хочу, чтобы ты жертвовал собой, — тихо сказала Аврора, кутаясь в шаль, которая вдруг стала казаться слишком тонкой. — Это не жертва, — спокойно ответил Дамир. — И не то, о чём ты думаешь. Я предлагаю тебе этот брак как щит. Для всех он будет настоящим. Тебя никто не посмеет тронуть, никто не сможет сказать, что ты беззащитна. Но для нас... для нас это просто договор. Я не собираюсь заставлять тебя быть мне женой ни в каком смысле. Ты будешь в безопасности, и у тебя будет время разобраться во всём. Аврора смотрела

на него и пыталась понять: слышит ли она в этих словах ложь или это и правда единственный способ выжить сейчас.

— А если я откажусь?— Тогда тебе придётся уехать. И я не смогу гарантировать, что те, кто охотится за тобой, не найдут тебя раньше, чем мы успеем что-то сделать. Она закрыла глаза. Перед внутренним взором снова всплыл тот вечер: смех, волнение, туфли, которые никак не застёгивались, и Давид, который улыбался и говорил: «Всё будет хорошо». А потом — тишина и новость, от которой мир треснул.— Хорошо, — наконец сказала она, открывая глаза. — Я согласна. Но только как щит. Только чтобы выжить. Дамир едва заметно кивнул.— Этого достаточно. Пока достаточно.

Глава 7

Дамир стоял перед отцом в той самой гостиной, где ещё вчера воздух был тяжёлым от невысказанных упреков. Теперь тишина казалась иной — холодной, расчётливой, будто дом уже знал, что впереди ритуал, а не праздник. — Она согласилась, — коротко сказал Дамир, не опуская взгляда. Он не оправдывался, не просил понимания — просто ставил перед фактом, зная, что спорить с отцом бесполезно, когда речь идёт о традициях. Отец медленно кивнул, будто взвешивая каждое слово, прежде чем его произнести.

— Хорошо. Значит, сделаем всё как положено. Ни спешки, ни поблажек. Пусть люди видят: мы чтим наши обычаи. Дамир едва заметно напрягся, но голос остался ровным: — Всё как положено, — повторил он. — И помни, — отец наклонил голову, и в его взгляде мелькнуло что-то жёсткое, почти хищное, — утром после брачной ночи все будут ждать доказательства её невинности. Это не просто слова, Дамир. Это честь семьи.

Внутри у Дамира всё сжалось, но он не позволил себе ни дрогнуть, ни возразить. Он знал этот порядок с детства — и знал, как безжалостно он может ломать чужие жизни. Но сейчас у него не было выбора: этот ритуал был единственным щитом для Авроры. — Я помню, — сдержанно ответил он. — Ещё одно, — голос отца стал тише, но от этого не менее твёрдым. — Ты теперь глава рода. Давид ушёл, и ты остался. Мы с матерью хотим внуков. Не завтра, не через месяц, но скоро. Это тоже часть твоего долга.

Слова ударили точно в грудь. Дамир сжал кулаки, пряча их в складках одежды. Он хотел сказать, что не имеет права обещать то, что не принадлежит ему, что Аврора — не вещь, которую можно вписать в список обязанностей. Но вместо этого снова кивнул: — Я понимаю. Отец наконец чуть смягчился, будто принял этот молчаливый ответ за согласие. — Тогда готовь всё. Пусть свадьба будет такой, какой она должна быть.

Аврора почти не замечала суеты вокруг. Женщины сновали по дому, раскладывали ткани, обсуждали узоры, спорили о цветах, о том, какие блюда подать, какие песни петь. Кто-то приносил ей платья, кто-то тянул за руку, чтобы примерить ленты и вуали, кто-то шептал: «Улыбнись, это счастливый день». Но она не улыбалась.

Её лицо стало маской спокойствия — ровной, почти безразличной. Внутри же всё кричало, сжималось в тугий узел боли, который она прятала так глубоко, что даже сама боялась к нему прикоснуться. Она смотрела на эти яркие ткани, на цветы, на людей, которые так уверенно распоряжались её жизнью, и чувствовала себя призраком среди них — видимой, но не настоящей.

В какой-то момент суета немного стихла. В комнату вошла мать Дамира — не в кричащих нарядах, не с ворохом тканей, а тихо, почти незаметно. Она села рядом с Авророй, сложив руки на коленях, и посмотрела на неё долго, внимательно, без осуждения, но и без жалости. — Ты сидишь, будто тебя здесь нет, — мягко сказала она, не пытаясь нарушить тишину резкими словами. Аврора чуть повела плечом, не зная, что ответить.

— Прости, — добавила женщина, будто извиняясь за весь этот шум, за всех этих людей, за саму судьбу, которая привела Аврору сюда. — Я знаю, что для тебя это не праздник. Но так уж устроена наша жизнь: иногда приходится принимать то, что нельзя изменить. Она помолчала, подбирая слова, которые не звучали бы как упрек. — Раз уж так случилось, тебе придётся смириться со своей судьбой. И знай: тебе ещё повезло. У Давида был брат. Ты не останешься одна. Дамир — хороший человек. Он не сделает тебе больно.

Аврора сжала пальцы, впиваясь ногтями в ладони, чтобы не дать слезам пробиться наружу. Она хотела закричать, что не хочет «везения» такой ценой, что ей не нужна эта защита, если за неё придётся платить собой. Но вместо этого просто кивнула, пряча всю эту боль

внутри, где её никто не увидит.— Спасибо, — прошептала она, и это слово прозвучало как прощание с прежней жизнью.Мать Дамира чуть наклонила голову, будто поняла всё без слов.

— Когда станет совсем тяжело, просто дыши. День пройдёт. А потом ещё один. И однажды ты снова почувствуешь, что живёшь.Она встала, тихо поправила складки на платье, которое так и осталось лежать на кресле, и вышла, оставив Аврору наедине с этой чужой, яркой, невыносимой суетой.

Глава 8

Утро свадьбы пахло горячим воском, свежими цветами и чем-то пряным — то ли специями, то ли тревогой, которая витала в воздухе. Дом гудел, как растревоженный улей: женщины шептались, поправляли ленты, проверяли, чтобы каждая складка лежала ровно, чтобы ни одна деталь не нарушила порядок. Аврора стояла у окна в комнате, которую на один день сделали её «невестиной», и смотрела на двор, где уже собирались гости.

Её платье было тяжёлым от вышивки, а вуаль — тонкой, почти невесомой, но она чувствовала её как маску, сквозь которую мир стал размытым и далёким. В голове не было ни мыслей, ни слёз — только звенящая пустота, в которой время тянулось невыносимо медленно. Дверь тихо приоткрылась, и в комнату вошёл Дамир. Он был в строгом костюме, но без лишней торжественности — будто старался выглядеть так, чтобы не напугать её ещё сильнее. — Ты готова? — спросил он, остановившись на пороге, не решаясь подойти ближе. Аврора едва заметно покачала головой:

— Нет. Но, кажется, это никого не интересует. Дамир сделал шаг вперёд, но остановился, будто помнил невидимую границу. — Если хочешь, я могу сказать, что ты плохо себя чувствуешь. Мы можем отложить. Хоть на день. Она посмотрела на него, впервые за долгое время по-настоящему взглядевшись в его лицо: в эту сдержанную твёрдость, в тень усталости, которую он прятал за спокойствием. — Не надо. Если я сейчас не сделаю этого, потом будет ещё страшнее.

Он кивнул, будто понял её без слов. — Тогда я буду рядом. Каждую минуту. Даже если ты не будешь меня видеть — я буду там. Аврора хотела улыбнуться, но улыбка не получилась. Вместо этого она тихо спросила: — Почему ты это делаешь? Ты ведь не обязан... Дамир опустил взгляд, будто подбирал слова, которые не прозвучали бы как пустые обещания.

— Потому что Давид был моим братом. И потому что... — он запнулся, словно ему было непривычно говорить о себе. — Знаешь, его всегда любили больше. С детства. Он был ярким, живым, он всё делал так, что на него невозможно было не смотреть. А я... я был тем, кто стоит рядом и старается не мешать. Аврора вздрогнула. В этих словах она услышала что-то до боли знакомое. — Мои родители отказались от меня, — вдруг сказала она, сама не ожидая, что скажет это вслух. — Меня растила бабушка. И когда она умерла, я осталась совсем одна. Так что... я понимаю, каково это — быть тем, кто всегда на втором плане.

Дамир посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение — будто он наконец нашёл кого-то, кто его понял без лишних объяснений. — Мы с тобой оба привыкли быть незаметными, — тихо произнёс он. — Но сегодня нам придётся быть на виду. Прости за это. Аврора чуть заметно улыбнулась — на этот раз по-настоящему. — Ничего. Главное, что мы не одни.

Свадьбу сыграли по всем традициям: с песнями, с обрядами, с бесконечными пожеланиями и благословениями, которые Аврора слушала, будто сквозь толстое стекло. Она шла по залу, чувствуя на себе сотни взглядов, но видела только Дамира — его спокойную уверенность, его едва заметные кивки, будто он говорил: «Ты справишься». Когда церемония закончилась, женщины подхватили Аврору, повели в спальню — в ту самую комнату, где всё должно было выглядеть как положено. Она шла, чувствуя, как страх снова подступает к горлу, но старалась не показывать этого. В комнате уже ждал Дамир. Он стоял у окна, будто давая ей время привыкнуть к этому месту.

— Сейчас будет самое трудное, — тихо сказал он, не оборачиваясь. — Для всех этот брак должен выглядеть настоящим. И есть один обычай, который... может тебя напугать. Прежде чем она успела спросить, он достал небольшой нож — тот, что был частью традиционного пояса, — и, не колеблясь, провёл лезвием по своей ладони. Кровь выступила тёмной полосой,

и он прижал руку к простыне, оставляя на ней пятно. Аврора попятилась, глаза расширились от ужаса

— Что ты делаешь?!— Это традиция, — спокойно объяснил Дамир, оборачивая рану платком. — Они будут ждать доказательства невинности. Но я не собираюсь делать ничего, что причинит тебе боль. Это моя кровь. Так я даю им знак, что долг исполнен. Аврора смотрела на него, пытаясь осознать, что происходит. — Но зачем? Зачем ты идёшь на это?— Чтобы защитить тебя, — просто ответил он. — Чтобы никто не посмел усомниться в твоём достоинстве. Чтобы тебе не пришлось проходить через то, что сломало бы тебя окончательно.

Она вдруг поняла: этот жест — не варварство, а его способ сказать: «Я держу своё слово». И впервые с момента их встречи ей стало не страшно рядом с ним. — Спасибо, — прошептала она, и в этом «спасибо» было больше, чем просто благодарность. Теперь предстояло решить ещё одну проблему: как провести ночь так, чтобы утром никто не заподозрил неладное. Дамир молча взял подушки и положил их посередине кровати, разделив её на две половины. — Так будет правильно, — сказал он. — Для всех — мы спим вместе. Для нас — ты в безопасности.

Аврора сначала хотела возразить: это выглядело нелепо, неестественно. Но потом вспомнила: с самого начала Дамир ни разу её не обманул. Ни словом, ни делом. Он мог бы воспользоваться её уязвимостью, мог бы давить, мог бы напоминать о долге — но он этого не делал. — Хорошо, — тихо согласилась она. — Если ты говоришь, что так надо... я тебе верю. Дамир кивнул, будто это согласие значило для него больше, чем любые клятвы. — Ложись. Я посижу здесь, пока ты не уснёшь. А потом... потом я тоже лягу. Но ничего не случится. Я обещаю.

Аврора легла на свою половину, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает её. Впервые за долгое время ей не нужно было притворяться сильной. Не нужно было держать всё в себе. Рядом был человек, который понимал, каково это — стоять в тени и всё равно стараться делать правильно. И когда она закрыла глаза, ей показалось, что за этой тонкой границей из подушек есть кто-то, кто не даст ей упасть.

Глава 9

Утро началось не с тишины, а с шепота за стенами. Аврора проснулась первой, ещё до того, как первые лучи солнца пробрались сквозь плотные занавеси. Она лежала, чувствуя, как под боком, за барьером из подушек, ровно дышит Дамир. И впервые за долгое время в груди не было того острого, колючего страха — только усталость и странное, почти забытое чувство: она не одна. Но тишина длилась недолго. В коридоре зашелестели шаги, голоса стали громче, и вот уже в дверь постучали — не робко, а требовательно, по-хозяйски.

— Пора, — сказала одна из женщин, приоткрыв дверь ровно настолько, чтобы просунуть голову. — Нужно показать... что всё как положено. Аврора замерла, но прежде чем паника успела накрыть её с головой, Дамир уже сел на кровати, спокойный, собранный, будто ждал этого стука. — Сейчас, — коротко ответил он и, поймав взгляд Авроры, едва заметно кивнул: всё под контролем. Она хотела что-то сказать, но слова застряли в горле. Вместо этого она просто встала, расправила складки платья, которое надела ещё с вечера, и вышла вслед за женщинами.

В соседней комнате уже собралась часть семьи: старшие женщины, тётки, кто-то из родственников. Все смотрели на простыню, на тёмное пятно, и в их взглядах было не любопытство — а облегчение. Для них это был знак, что традиция соблюдена, что честь семьи не задета. — Хорошо, — наконец произнесла старшая из женщин, кивая так, будто этим кивком ставила печать на всей истории. — Теперь она по-настоящему под защитой рода.

Аврора стояла, выпрямившись, и старалась не дрожать. Она не чувствовала ни торжества, ни стыда — только странную пустоту, в которой не было места эмоциям. Всё это было не про неё. Это был ритуал, щит, договор. И она приняла его, потому что другого выхода не было.

Завтрак проходил в большой столовой, где за длинным столом собралась вся семья. Отец Дамира сидел во главе, прямой и строгий, мать — рядом, сдержанно улыбаясь, когда взгляды падали на Аврору. Блюда сменялись одно за другим, разговоры лились рекой, но Аврора почти ничего не слышала. Она чувствовала на себе взгляды, оценивающие, изучающие, будто она была не гостьей, не женой, а загадкой, которую нужно разгадать. Дамир сидел рядом, не касаясь её, но его присутствие было ощутимым — как тихая опора, которая не даёт упасть. Время от времени он делал едва заметные жесты: пододвигал к ней тарелку, кивал, когда кто-то обращался к ней, словно говоря: «Я здесь. Ты справишься».

Когда завтрак закончился, Дамир тихо сказал: — Пойдём. Нам нужно поговорить. Он отвёл её в небольшую комнату, куда редко заходили гости, где пахло старыми книгами и деревом. Там, вдали от чужих ушей, они наконец могли говорить свободно. — Теперь, когда ты официально под защитой семьи, у нас есть немного времени, — начал Дамир, усаживаясь напротив и глядя на Аврору прямо, без прикрас. — Но искать правду нужно осторожно. Если кто-то поймёт, что мы копаем под аварию, могут возникнуть вопросы.

— Какие вопросы? — тихо спросила Аврора. — Например, почему мы не верим официальным отчётам. Или почему нас интересует, кто звонил Давиду перед аварией. У отца есть связи, но я не могу просто прийти и сказать: «Проверь всё, что связано с аварией». Это вызовет подозрения. Аврора сжала пальцы, пытаясь собраться с мыслями. — А если мы пойдём не напрямую? Если начнём с мелочей? Например, с записей с камер на трассе. Или с того странного звонка. Может, кто-то видел что-то, что не попало в отчёты. Дамир чуть наклонил голову, будто оценивая её слова.

— Это может сработать. Мы можем начать с того, что выглядит как обычное любопытство: «Хотим знать, как всё произошло». А дальше... будем смотреть по обстоятельствам. Они набросали простой план: Дамир через старых друзей семьи попробует получить доступ к записям с камер, Аврора будет проверять телефон Давида — вдруг там остались какие-то сообще-

ния или удалённые звонки, которые можно восстановить. И главное — никому не говорить о том, что они не верят в случайную аварию. — Мы должны действовать так, будто просто хотим закрыть эту главу, — подытожил Дамир. — А на самом деле — открыть новую.

Аврора кивнула. Впервые за долгое время у неё появилось ощущение, что она не просто плывёт по течению, а делает что-то реальное.

Ужин прошёл спокойнее, чем завтрак. Семья уже не смотрела на Аврору так пристально, будто приняла её в свой круг — пусть и не до конца. Разговоры стали менее официальными, кто-то даже пошутил, и Аврора, к своему удивлению, улыбнулась в ответ. Позже, когда все разошлись, Дамир и Аврора остались вдвоём в небольшой гостиной. И вдруг разговор пошёл не о планах, не о поисках, а о пустяках.

— Знаешь, в детстве я терпеть не могла манную кашу, — призналась Аврора, глядя в чашку с чаем, будто в ней было спрятано что-то важное. — Бабушка всё равно её варила. Говорила: «Ты должна есть, чтобы вырасти сильной». А я прятала её в салфетку и потом выбрасывала. Дамир едва заметно улыбнулся — впервые по-настоящему, не той вежливой полуулыбкой, которой пользовался для семьи. — А я всегда доедал всё до последней крошки. Отец говорил, что мужчина не имеет права оставлять еду. Даже если она ему не нравится.

Аврора посмотрела на него, и в этом взгляде было что-то новое — не боль, не страх, а лёгкое, почти детское любопытство. — И ты слушался? — Слушался, — кивнул он. — Но иногда мечтал, что однажды смогу просто встать и уйти, не доев. Они посмеялись над этим, и смех прозвучал в тишине дома как что-то непривычное, но очень нужное. В эти минуты они были не мужем и женой по расчёту, не союзниками в расследовании, а просто двумя людьми, которым вдруг захотелось немного тепла.

Ночь пришла тихо. Аврора долго не могла уснуть: то ли от непривычной постели, то ли от мыслей, которые кружились в голове, не давая покоя. А потом сон всё-таки настиг её, но он был не добрым. Ей снилось, что она стоит у могилы Давида. Надпись на камне была свежей, будто её только что высекли. Вокруг стояли тени — люди в тёмных куртках, лица скрыты капюшонами. Они не говорили громко, но их шёпот проникал под кожу: «Ты знаешь слишком много. Давид был первым. Дамир будет следующим, если вы не остановитесь». Аврора хотела закричать, хотела убежать, но ноги будто налились свинцом. А потом голос прозвучал совсем рядом: «Не бойся. Я здесь».

Она резко подскочила, сердце колотилось так, что, казалось, его слышно на весь дом. В темноте она не сразу поняла, где находится, и, действуя на чистом инстинкте, потянулась вперёд, обхватила кого-то руками, прижалась, ища опору, защиту, хоть что-то настоящее. — Тихо, тихо, — голос Дамира прозвучал прямо над ухом, спокойный, тёплый, живой. — Ты в безопасности. Это был просто сон. Аврора уткнулась ему в плечо, чувствуя, как дрожь постепенно уходит, сменяясь облегчением от того, что он здесь, что он настоящий, что его не унесли тени из кошмара.

— Прости, — прошептала она, когда дыхание наконец выровнялось. — Я не хотела... — Ничего, — он не отстранился, просто сидел, придерживая её, пока она не перестала дрожать. — Расскажи, что тебе приснилось. Иногда, если рассказать, кошмар становится меньше. И она рассказала: про могилу, про тени, про слова о том, что Дамир будет следующим. Голос дрожал, но она говорила, потому что не могла держать это в себе.

— Я так испугалась за тебя, — призналась она, подняв на него глаза, в которых ещё стояли слёзы. — Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Дамир замер на мгновение, будто эти слова ударили его сильнее, чем он ожидал. В груди что-то шевельнулось — тёплое, незнакомое, почти забытое: кто-то переживал за него. Не из долга, не из вежливости, а искренне. Но тут же он одёрнул себя. Нельзя. Она была женой его брата. Он должен защищать её, помогать ей, но не позволять себе думать о том, что между ними может быть что-то большее.

— Со мной всё будет в порядке, — твёрдо сказал он, стараясь вернуть голосу привычную сдержанность. — Я умею быть осторожным. И мы будем осторожны вместе. Аврора чуть кивнула, будто принимая его слова, хотя в глубине души понимала: осторожность не спасает от всего. Но сейчас ей было достаточно того, что он рядом. — Спасибо, — тихо сказала она и, немного помедлив, вернулась на свою половину кровати, оставив между ними знакомый барьер из подушек.

Дамир подождал, пока её дыхание станет ровным, пока сон снова не заберёт её. И только тогда позволил себе на секунду закрыть глаза и подумать о том, как странно устроена жизнь: он защищает женщину, которая когда-то любила его брата, а она — боится за него. И в этом странном, хрупком равновесии рождается что-то похожее на доверие.

Глава 10

День начался с того, что Дамир наконец-то смог договориться о встрече. Старый друг семьи, бывший следователь, согласился «по-тихому» глянуть материалы по аварии — не официально, а так, чтобы никто не поднял шум. — Он не даст нам дело, — предупредил Дамир, пока они шли по узкой улочке к небольшому дому на окраине посёлка. — Но если там есть хоть одна несостыковка — он её увидит.

Аврора шла рядом, крепко сжимая в руке телефон Давида. В нём она уже нашла несколько странных деталей: один звонок длился всего три секунды и тут же был удалён из журнала, а в заметках мелькнуло короткое «не приезжай», написанное за два дня до свадьбы. Она не знала, что это значит, но чувствовала: это кусочки одной мозаики, которую они должны сложить. — А если он скажет, что всё чисто? — тихо спросила Аврора, глядя прямо перед собой, чтобы не встречаться взглядом с любопытными глазами из окон. Здесь все друг друга знали, и появление новой невестки было событием, которое обсуждали за каждой чашкой чая.

— Тогда будем искать дальше, — спокойно ответил Дамир. — У нас есть ещё телефон, есть маршрут, есть тот звонок. И есть люди, которые могли что-то видеть. Они остановились у калитки, и Дамир на секунду замер, будто собирался с силами перед тем, как сделать шаг. — Главное, не показывай никому эти заметки. Даже если кто-то спросит, зачем ты смотришь его телефон. Для всех ты просто... вспоминаешь. Аврора кивнула. — Я понимаю.

После встречи, когда напряжение немного спало, они пошли по тропинке вдоль реки, где шум города сменялся шелестом листвы и криками птиц. И вдруг разговор сам собой свернул с расследования на что-то простое, почти детское. — Знаешь, что я любила больше всего в детстве? — неожиданно сказала Аврора, скидывая туфли и опуская ноги в прохладную воду. — Бабушкина дача. Там был старый сарай, в котором пахло сеном и яблоками. Я пряталась там, когда хотелось, чтобы меня никто не трогал. И оттуда было видно, как солнце садится за лесом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.